

Филипп Вейцман

В фашистской Италии

РУССКИЕ ЛЮДИ БЕЗ РОДИНЫ

Италия – Россия

Филипп Вейцман

**В фашистской Италии.
Русские люди без Родины**

«Алетейя»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вейцман Ф. М.

В фашистской Италии. Русские люди без Родины /
Ф. М. Вейцман — «Алетейя», 2025 — (Италия – Россия)

ISBN 978-5-00165-962-4

Автор мемуаров Филипп Моисеевич Вейцман (1911–2008) вместе с родителями подростком выехал в 1927 году из Москвы в Геную, куда его отец был командирован как сотрудник советского торгового представительства. В 1932 г. отцу приказали вернуться в СССР, но почувствовав, что его ждет расправа, он стал «невозвращенцем». Осталась в Италии и его семья: юный Филипп получил здесь диплом инженера и подданство. Однако в 1938 г., после того как Муссолини ввел расовые законы, семья Вейцманов вновь решила эмигрировать: беженцев в итоге приютил марокканский Танжер, тогда эфемерное государственное образование под протекторатом европейских держав. После многих лет странствий мемуарист вернулся в Италию, где ему восстановили гражданство. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-962-4

© Вейцман Ф. М., 2025
© Алетейя, 2025

Содержание

За Геркулесовыми столбами	7
Последний «невозвращенец»	12
Предисловие	17
Прощай, Родина!	19
В пути	23
Нерви	26
«Первый Дом Советов»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Филипп Вейцман
В фашистской Италии.
Русские люди без Родины

© Ф. М. Вейцман, наследники, 2025

© М. Г. Талалай, научная редакция, 2025

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2025

Моей жене Сарре, моему другу и сотруднице, без которой этот мой труд никогда бы не увидел света, и памяти моих родителей я посвящаю эту книгу.

За Геркулесовыми столбами

*Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанию рождены*
Данте, «Ад», Песнь XXVI
(пер. М. Л. Лозинского)

Мы познакомились у Тирренского моря, в Ливорно. Он являл собой тип того джентельмена, которого итальянцы определяют как «un signore d'altri tempi» («господин прошлых времен»): джентельмена не только во внешнем виде, но в первую очередь, – в манерах, мягких и утонченных. Возможно, скажу банальность, но мне Филипп Моисевич Вейцман своей мягкостью и меланхолией напоминал собственного земляка, тоже уроженца Таганрога, врача и писателя Чехова (кстати, Вейцман тоже имеет две ипостаси, инженера и поэта). С Чеховым его сближает и особая, деликатная ирония.

Итальянский язык Вейцмана был совершенным. Возможно, в нем некогда присутствовал генуэзский акцент, теперь совершенно исчезнувший и сменившийся на легкую офранцуженность, но не в акценте, а в манере произношения.

Ливорно для нас обоих стал «приемным городом». Место хаотичное, современное, с первого взгляда – вне всякой гармонии, однако в действительности, оно скрывает старинные и спокойные уголки: например, греческий и голландский храмы, синагогу, православное кладбище. Да и здешние католические церкви порою являют связи с дальними «библейскими» краями: тут можно каменную доску с надписью на армянском или византийскую икону... Вскоре и дом Филиппа Моисевича стал для меня таким уголком покоя и культуры среди сумбурного портового города.

Через сборник его поэзии я как будто познакомилась с ним вновь (книга пришла ко мне в Швецию вместе с милой открыткой с видом ливорнийской террасы Масканья, напоминающей неоклассические крымские строения). Этот сборник стал поэтическим выражением жизненного маршрута автора, который пролегал вдоль морских берегов – Азовского, Лигурийского, Средиземноморского и даже вдоль берега Атлантического океана. Маршрут этот напоминает и странствия Одиссея, плававшего по эйкумене в поисках утраченной Родины.

Где же она, эта Родина ливорнийского сеньора? В итальянском удовольствии личности у него стоит «nato a Taganrog (ex-Unione Sovietica europea)» («родился в Таганроге, бывшем европейском Советском Союзе») – перл местной бюрократии, неспособной познать географию и историю. В действительности, Филипп Моисевич родился в бывшей Российской империи, в 1911 г., став юным свидетелем драматического появления на карте мира Советского Союза. В 1927 г. Филя, как его называли домашние, вместе с родителями выехал из Москвы в Геную – его отец был командирован туда в советское торговое представительство. Никто из этих трех людей не предполагал, что на Родину они уже не никогда вернуться. (Любопытно, что они проделали обратный путь тех генуэзцев, что осваивали в позднем Средневековье берега Черного и Азовского морей.)

В Генуе произошла первая драма: отцу приказали вернуться в СССР, но почувствовав, что там его ждет расправа, он стал «невозвращенцем». Так в 1932 г. в 20-летнем возрасте стал «невозвращенцем» и Филя.

В Лигурии Филя получил диплом инженера, подданство королевства Италии, итальянскую культуру. Однако свою поэтическую натуру он выражает исключительно на русском: «Вид горы высокой, / Плеск волны морской, / Свод небес далекий, / Темно-голубой. // Чудеса природы в чуждой мне стране: / Зелень, горы, воды... / Надоели мне» («На чужбине», Генуя, 1929).

Итак, Италия изначально и волнует, и тяготит поэта: пребывание в этой стране – вынужденное, отсюда и раздвоение чувств.

Ф. М. Вейцман отмечает свое 95–летие. Ливорно, 2006 г. Фото М. Г. Талалая

Впрочем, некоторое время жизнь Фили как будто идет в спокойном русле. Но спокойствие обманчиво: в 1938 г. Муссолини издает т. н. расовые законы, отправившие итальянских евреев на обочину жизни государства и подготовившие позднейшую расправу над ними со стороны нацистов.

Семье Вейцманов, как иностранным евреям, повелели покинуть страну. Это оказалось крайне затруднительным: их, ставшими «аполидами», лицами без гражданства, не желали нигде. Одни страны отказывали во въездных визах, объявляя их «белоэмигрантами», другие, напротив, причисляли их к «советским коммунистам». Нашелся неожиданный выход: бежен-

цев приютил Танжер, эфемерное государственное образование под протекторатом нескольких европейских держав. Как и Одиссей, поэт переплыл за Геркулесовы столбы... Позднее свои перипетии, как и перипетии русской колонии в Генуе в 1920–1930-х гг., Вейцман блестяще опишет в мемуарах «Без Отечества» (заметим, что мемуарист остроумно использовал возможности русского языка, разъяснив читателям, что для него Россия – это Родина, где он родился, в то время как Отечество это Израиль, «земля отцов и праотцов»)

В Танжере Филипп Моисеевич переждал Вторую мировую войну, получил работу (преподавателем математики в лицее) и встретил будущую жену. Однако его поэтическая муза там надолго замолчала...

Она заговорила вновь после переезда из Северной Африки в Европу, сначала во Францию, а затем – в Италию. Выбор Ливорно был не случаен: здесь – одна из самых значительных на Апеннинах иудейских общин, вторая по численности после римской. Однако Ливорно известен и своей историческим гостеприимством по отношению к чужеземцам, ищущим «порто-франко». Да и гуманистическая культура Вейцмана «надконфессиональна»: он любил, например, посещать пасхальные службы во флорентийской русской церкви, которой завещает в итоге всю свою богатую русскоязычную библиотеку (библиотеку итальянскую он завещает ливорнской синагоге).

Его скитания на пути к Итаке замыкаются, но в отличие от Одиссея, он осознает, что поиск Родины, или Отечества – это поиск не географический, а экзистенциальный: «Плыви, корабль мой, в туман / Мечтаний, снившихся поэту, / Плыви по сказочным волнам / К тем островам, „Которых нету“» («Острова, „Которых нету“», 2000). В отличие от яростного темперамента Одиссея, само имя которого означает «гневливый», поэт обладает классически ясным видением мира, свободным от злопамятности по отношению к репрессивному веку: «И лишь порой: как стон разлуки / Как сонный бред, как дальний зов, / Мне чудятся родные звуки / Давно умолкших голосов» («Одиночество», 2000). И это – не песни сладкоголосых сирен, а речь обитателей «интимной» Итаки, т. е. его родных и близких. В самом деле, множество стихотворений и в прямую обращено к его родителям, к жене.

Филипп Вейцман

Голубые дали

Стихи

*Многоуважаемому
Михаилу Григорьевичу,
с сердечными пожеланиями успеха
в его академической карьере, от
автора этих стихов.
Филипп Моисеевич Вейцман*

Минск
«Белорусский сбор»
2002

*Либерец, 7 декабря
2002 г.*

Титульный лист сборника стихов «Голубые дали» (Минск: Белорусский сбор, 2002) с дарственной надписью: «Многоуважаемому Михаилу Григорьевичу, с сердечными пожеланиями успеха в его академической карьере, от автора этих стихов. Филипп Моисеевич Вейцман,

Ливорно, 7 декабря 2002 г.» (книга была вручена М. Г. Талалаю, когда ее автор праздновал свое 91-летие).

Поэзия Веймана существует исключительно на русском. Но это – не барьер на пути к освоению итальянской культуры, напротив – своеобразный к ней ключ, о чем ярко свидетельствуют стихи «Вальми» (вольный перевод Дж. Кардуччи) и «Юность наша так прекрасна!» (вольный перевод Лоренцо Медичи). Особенно, на наш взгляд удалось переложение стихотворения Лоренцо Великолепного, где тонко выражена глубокая меланхолия оригинала, которую часто не ощущают и сами итальянцы.

Поэзия Веймана глубоко погружена в русскую традицию: в сборнике мы найдем такие стихотворения, как «Гумилев», «Ответ Державину», «Евгению Евтушенко». Однако лейтмотив его стихов – все-таки море: «Говорят: „Кто не бывал / Среди пустыни моря, / Кто ему не доверял, / Тот не ведал горя“. // Но и тот, кто век прожил / С злою судьбою в спорах, / Всё простил и позабыл / На его просторах» («Голубые дали», 2000).

И сейчас, когда я покинула родное Лигурийское море ради моря Балтийского, именно эти «голубые дали» вновь соединяют с моим прежним «земляком».

Анна Мария Канена-Мордаччи, апрель 2025 г., Стокгольм
Авторизованный перевод с итал. М. Г. Талалая

Последний «невозвращенец»

С автором этой книги я познакомился в Ливорно в середине 1990-х годов.

Туристы в этот город приезжают крайне редко, разве для того, чтобы побыстрее отплыть на волшебный остров Эльбу – настолько красивый, что диву даешь, отчего Наполеон оттуда сбежал. Ливорно же – это, прежде всего, промышленный порт, со скучноватой застройкой. Весь городской центр был перестроен в эпоху фашизма, но элегантности это ему не придало. При муссолиниевой перестройке, кстати, тут сломали старый православный (греческий) храм – он якобы мешал новому строительству – точь-в-точь поступали в то же время в Советском Союзе.

В Ливорно, тем не менее, я стал бывать достаточно часто, благо жил неподалеку, во Флоренции, и бывал тут с особой миссией – повидать патриарха русского зарубежья, Филиппа Моисеевича Вейцмана.

О нем мне поведала мой друг Анна Мария Канепа-Мордаччи, которая тогда жила в Ливорно, а теперь живет в Швеции. Выпускница славянской кафедры Пизанского университета, тянувшись ко всему русскому, она рассказала мне о старом русском сеньоре, дом которого с удовольствием посещает. Вскоре и я стал верным визитером Филиппа Моисеевича.

В его доме было полно книг, а сам воздух был пропитан культурой той воображаемой страны, которую я стал называть Русской Италией. Будучи итальянцем по паспорту, Вейцман окружил себя русской атмосферой. Своих русскоговорящих друзей (собственно русских, а также украинцев, белорусов, итальянцев) он любил собирать в дни своего рождения, в первые дни декабря. Мы ходили в трактир, зажигали свечи, конечно, не точное их число – иначе пришлось бы каждый раз ставить их штук за 90, а порой и вовсе не ставили их в праздничный торт.

Я наслаждался беседами с этим необычным человеком. Он любил обсуждать историю, литературу, языки, народные обычаи. Его удивительная память сохранила множество деталей двадцатого века, которые сейчас пребывают в сумерках. Его главной страстью всегда были книги, и он гордился тем, что владел своим собственным книжным магазином. С особым удовольствием, как будто слыша голос автора, я читал его воспоминания, которые Вейцман самиздатским способом выпустил в 1981 г. в Тель-Авиве, вне издательств, а просто заплатив типографии из своего кармана – ради удовольствия дарить книгу знакомым. Неоднократно он заявлял мне, что был бы рад переиздать ее на Родине. Теперь этот час пришел.

Сразу оговорюсь, что из трехтомника его воспоминаний «Без Отечества. История жизни русского еврея» для нынешней публикации я выбрал только одну часть, но самую главную – вхождение мемуариста в историю и культуру любимой Италии, его становление как «русского итальянца». Надеюсь, что автор одобрил бы мой выбор. При этом за рамками публикуемого повествования осталась его автобиография до Италии и после бегства из нее в 1939 г. Расскажем об этом вкратце.

Филипп Моисеевич родился 3 декабря (20 ноября ст. ст.) 1911 г. в Таганроге в культурной еврейской семье, принадлежавшей к купеческому сословию. Уже спустя два месяца после его рождения семья переехала в Геничesk и самые первые воспоминания автора относятся к этому городу. Именно здесь Вейцманов застала Революция и Гражданская война.

Его отец, Моисей Давидович, принадлежал к той части российской интеллигенции, которая, не разделяя радикальных большевистских взглядов, считала необходимым трудиться над построением справедливого будущего общества. В 1923 г. вся семья переехала в Ростов, ради работы отца, а в 1925 г. – в Москву, где тот занял должность в Министерстве торговли. Его способности не остались незамеченными, и советское правительство решило отправить его в длительную командировку за границу. Итак, в 1927 г. Филя, как его называли в семье, приехал с семьей в Геную, где его отец стал служить в советском торгпредстве. Никто тогда не предпо-

лагал, что они никогда не вернутся на родину. С этой вехи и начинается публикуемый нами фрагмент автобиографии.

Филипп Вейцман и Михаил Талалай, Ливорно, декабрь 2002 г.

В Италии произошли драматические события: отцу приказали срочно вернуться в СССР, но, поскольку назревали репрессии, он решил стать так называемым «невозвращенцем». Одним из главных последствий такого выбора была немедленная потеря советского гражданства. Таким образом, в 1932 г. Филя, которому было уже за двадцать, также оказался без гражданства.

В Генуе он, несмотря на статус аполида, окончил инженерный факультет и даже получил итальянское подданство – пример, как мы бы сказали сегодня, «успешной интеграции». Но успех был обманчивым: в сентябре 1938 г. расовые законы отбрасывают местных евреев на обочину общественной жизни; евреям-иностранцам предписано покинуть страну.

У Фили изымают новенький итальянский паспорт, и семья Вейцманов вынуждена снова отправиться в эмиграцию. Это было легче сказать, чем сделать: им нигде не были рады. После долгих мытарств беженцы нашли убежище в марокканском Танжере, где с 1912 г. действовал международный режим политического и военного нейтралитета под совместным административным контролем Франции, Великобритании и Испании (другие страны, включая Италию, присоединились к протекторату в 1928 г.).

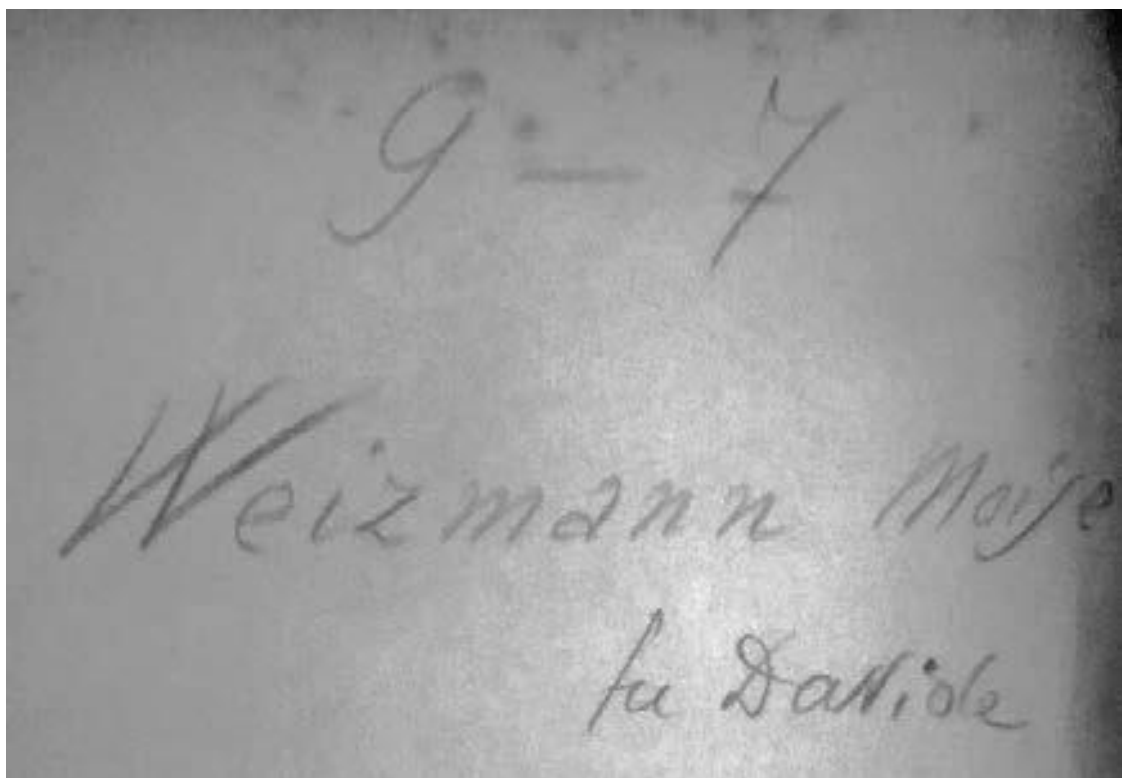
Так в семью Вейцманов надолго вошла Африка, где они и пережили мировую войну. В Танжере общительный Филипп быстро сошелся с колонией иностранцев, в первую очередь с итальянцами и еврейскими беженцами из разных европейских стран. Разыскал он и немногих русских белоэмигрантов. Его родители стали держать, как и в Генуе, пансион со скромным рестораном. После неудачных попыток найти работу инженера (как пишет мемуарист, в Танжере они были не нужны), он нашел малооплачиваемую и трудоемкую работу учителя математики в итальянском лицее.

В 1948 г. скончался отец, и Филипп теперь живет один с матерью. Его мучает ностальгия по Родине и в 1955 г., когда в СССР был принят закон «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны», распространившийся и на «невозвращенцев», он решает вернуться в СССР. С этой целью он прибывает в Париж, где в советском консульстве оформляет все необходимые документы. Однако на следующую встречу в консульстве он не приходит, охваченный странным страхом, и возвращается в Африку. Тем не менее, похоже, мысль о репатриации его долго не отставляет – в 1957 г. он пишет «Гимн Родине»: «Славься, Родина святая! / Нет другой тебе под стать, / Мира ты одна шестая, / Наша гордость, наша мать...».

В 1959 г. в Танжере, похоронив мать, он женится – в почти 50-летнем возрасте. Его избранницей стала Сарра Беар, родившаяся в Османской империи в семье зажиточного еврейского фабриканта, производившего восточные сладости. У Сарры – французский паспорт, но Франция уходит из Африки и для европейцев, «колонизаторов», начинаются трудные времена. Осенью 1961 г. супруги эмигрируют из Марокко в Париж, где Вейцман заводит букинистический магазин.

Выйдя на пенсию, некоторое время супруги живут в Израиле, но побеждает любовь Филиппа к Италии и они переезжают сюда, где селятся в Ливорно, связавшись с влиятельной местной еврейской общиной. 21 октября 1989 г. тут умерла Сарра. Филипп Моисеевич Вейцман скончался в «своем» Ливорно 23 мая 2008 года¹.

¹ См. некролог: *Талалай М. Г.* Памяти Филиппа Моисеевича Вейцмана. Скончался старейший русский эмигрант // Наша газета (Италия). № 70, 9 окт. 2008. С. 15.

Обложка полицейского досье «Вейцман Моисей, сын Давида», Государственный архив Генуи

...Готовя данный текст к публикации, я не мог не задуматься о полицейском досье на Вейцманов, которое наверняка было на них заведено. В фашистской Италии эта семья была под двойным подозрением – как советские граждане и как евреи. Не без трудностей, но мне удалось разыскать их дело в Государственном архиве Генуи, в Фонде Префектуры, в Папке 190, № 9–7. Бумаг на отказ от советского гражданства в 1932 г. в нем не обнаружилось: основное ядро дела сформировалось после следующего обращения Моисея Вейцмана к итальянскому правительству (в переводе с итал.):

Я, нижеподписавшийся ВЕЙЦМАН [WEIZMANN] Моисей, сын Давида, родившийся в Таганроге (Россия) 20 июля 1877 г., АПОЛИД, бывший русский, проживающий в Генуе со 2-го сентября 1927 г. с семьей, состоящей из жены Анны Цейтлиной и сына Филиппа, будучи под ударом Декрета от 1-го сентября 1938 г., обращаюсь в уважаемое Министерство внутренних дел с покорной просьбой учесть особые обстоятельства моего положения.

Сбежав со своей семьей от большевистского режима, я нашел в Италии, предоставившей мне любезное и щедрое гостеприимство, новую Родину. В самом деле, мой сын Филипп, прибывший в Италию подростком, получил тут диплом инженера, а в прошлом году даже имел честь получить итальянское гражданство.

Будучи аполидами, у нас нет никакой другой Родины, кроме той, которую мы избрали, то есть ИТАЛИИ, к которой мы также привязаны чувствами глубокой признательности.

Учитывая наше положение АПОЛИДОВ, не имея никакой возможности уехать в другую страну, обращаюсь в уважаемое Министерство внутренних дел с живейшей просьбой остаться в ИТАЛИИ вместе с моей семьей <..>².

В заявлении, подписанном 11 февраля 1939 г., Моисей Вейцман указывал предписанный срок пребывания в Италии, до 12 марта того же года, и просил продлить его хотя бы еще на три месяца. Завертелась, достаточно динамично, бюрократическая машина, и из Рима в Геную поступают запросы о «моральном, гражданском и политическом поведении» Вейцмана. Переписка между инстанциями шла под рубрикой «Защита расы».

В Генуе на него составляют в целом положительную характеристику: «еврейской расы русской национальности, <..> не владеет недвижимостью и не получает из-за границы денежные переводы, живет скромно на средства, которыми располагает, <..> учитывая его пожилой возраст (61 год) и добрые чувства итальянскости, считаем возможность разрешить продление проживания» (сроки продления не указаны). Характеристика была отправлена в Рим 4-го марта 1939 г. Ответа на нее в досье не обнаружено, и вероятно, он уже не потребовался, так как 15 марта Вейцманы уплыли в Африку.

Последние документы в деле относятся уже к 1941 г. Очевидно, после начала Русской кампании полиция решила проверить в Италии всех выходцев из России и Советского Союза, в особенности еврейского происхождения. Второго августа 1941 г. римская Дирекция демографии и расы при Министерстве иностранных дел отправляет запрос о проживании Генуе «иностранныго еврея, бывшего русского, Моисея Вейцмана». В ответном письме префектура сообщает, что таковой уже давно покинул Италию, вместе с семьей. И слава Богу, хочется добавить сегодня нам.

Благодаря архивным документам мне удалось установить точные итальянские адреса Вейцманов. Пансион, подробно описанный в книге, они держали на corso Torino, дом 14. Эта артерия в мемуарах русифицирована как Туринский проспект. Ликвидировав все свои дела и продав пансион, Вейцманы сняли, по объявлению в газете, комнату, как пишет автор, «за две улицы от бывшего пансиона». Теперь известен и этот, самый последний адрес в Генуе автора книги – via Caffa, дом 2. Каффа – это название генуэзской колонии в Крыму, на месте которой позднее возникла Феодосия. В самом деле, после Крымской войны 1853–1856 гг. в Генуе, в этом квартале, появились, кроме Каффской, также Одесская и собственно Крымская улицы. Похоже, что Вейцманы, «сидевшие на чемоданах», не обратили на внимания на то обстоятельство, что они на мгновение как будто бы вернулись к родным берегам. Иначе бы мемуарист, со свойственной ему иронией, назвал бы эту свою последнюю генуэзскую улицу Феодосийской.

Благодарю за помощь в подготовке книги Елену Виноградову, Ларису Козлову и Евгению Подрезову.

*Михаил Талалай, апрель 2025 г.,
Милан*

² Archivio di Stato di Genova, fondo Prefettura di Genova, pacco 190, n. 9–7.

Предисловие

Кто-то сказал: «Жизнь каждого человека достойна быть рассказанной», а я еще прибавлю от себя: в особенности жизнь еврея.

Кажется, Достоевский заметил, что чтобы быть автобиографом, надо обладать непомерным эгоцентризмом. Если его замечание справедливо, если писание своей собственной биографии является действительно проявлением некоего эгоцентризма, то, в моем случае, этот эгоцентризм относится скорее ко всему нашему многострадальному народу, а в особенности к его русской ветви, нежели к моей скромной персоне.

Конечно – я пишу о себе, иначе эта книга не была бы автобиографией, но, верьте мне, что если бы я близко знал жизнь другого русского еврея, жизнь, более интересную, нежели моя, ничем особенным не замечательная, то я, с радостью, согласился бы стать его биографом. К моему большому и искреннему сожалению я, близко, с таким евреем не знаком, и, следовательно, принужден писать о себе...

В этой моей книге, кроме всего прочего, я создал маленькую портретную галерею тех людей, с которыми мне пришлось столкнуться на моем жизненном пути. Такая галерея может быть интересна просто с общечеловеческой точки зрения.

Большинство личных имен я, конечно, изменил. Если кто-нибудь из читателей найдет в книге свое имя, или свой, не всегда лестный, портрет, то пусть он себе скажет, что это только досадное совпадение.

Лично о себе я стараюсь рассказать с предельной искренностью, может быть, иногда, и не в свою пользу.

*Еще одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от
Бога Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил...*

*На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Немного лиц мне память сохранила,
Немного слов доходят до меня,
А прочее погребло невосвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Еще одно, последнее сказанье.*

Пушкин, «Борис Годунов»

*Вот она – граница! Прах твой отряхаю,
О, Страна Родная, я с усталых ног
И хоть с болью в сердце, но переступаю
Навсегда, конечно, через твой порог.
Память, не тревожь мне душу грустью тайной,*

*И угасни, пламя, у меня в груди:
Верности ненужной Родине случайной,
К мачехе недоброй пасынка любви.*

Прощай, Родина!

...В 1927 году общее положение в стране стало вновь ухудшаться: сказывались первые сталинские мероприятия. В Москве, перед булочными и некоторыми другими магазинами, появились «хвосты».

Незадолго до нашего отъезда в Одессу на дачу, проходя по улице мимо одного из таких «хвостов», мы с мамой услышали крик какой-то бабы: «Опять хлеба нету. Это всё жида проклятые! Они весь хлеб забрали, да в Кремле спрятали».

Мы все были рады, хотя бы на несколько недель, уехать на юг. Отец нам сказал, что его, вероятно, в этом году пошлют за границу, в Италию, хотя он предпочел бы оставаться еще один год в Москве, чтобы дать мне время окончить девятилетку. Мы с мамой ничего не возразили, но были, на этот счет, другого мнения.

Из Москвы в Одессу было сорок часов езды. Приехав, мы остановились, на пару дней, у тети Рикки³. Уже свыше двух лет, как у нее проживали престарелые родители⁴. Мы их нашли сильно подряхлевшими, в особенности дедушку. Сердце у него ослабело, и он больше не выходил из дому. Целые дни дедушка проводил перед своим столом, куря одну папиросу за другой, и раскладывая пасьянс. Бабушка была бодрее; она помогала тете по хозяйству, и регулярно, по субботам и праздникам, посещала одесскую синагогу, которую власти оставили открытой. Весть о нашей близкой поездке за границу их сильно огорчила. Моя мать, как могла, успокаивала своих родителей, объясняя им, что ничего еще не решено, и, что, во всяком случае, наше пребывание в Италии не продолжится больше года. Дня через два мы переехали на нанятую, на Большом Фонтане, дачу. Через пять недель отец уехал на службу в Москву.

Купание в море, загорание на солнце, прогулки в компании моих кузенов, кузин и друзей, ухаживание за Флорой, дочерью адвоката Небесова, всё это занимало мое время, и оно летело быстро. Я много играл в крокет, и в этой дачной игре достиг довольно значительной степени совершенства, оказавшись, однажды, победителем на устроенном нами турнире. В августе погода начала портиться, но мы решили оставаться на даче до двадцать пятого числа этого месяца, а после погостить у тети Рикки, в Одессе, еще с неделю. В Москве, занятия в моей школе начинались пятнадцатого сентября.

19 августа 1927 года в 9 часов утра мы по обыкновению отправились на пляж. Стоял холодный и ветреный день. Купаться было невозможно, и через час мы поднялись, чтобы вернуться на дачу. Не доходя еще до нее нам встретилась тетя Рикка, с распечатанной телеграммой в руке. Подойдя к нам, она молча протянула ее маме. Телеграмма была от отца, из Москвы: «Через десять дней уезжаем Италию выезжайте Москву первым поездом Моисей». Сегодня, в девять часов утра, у себя на одесской квартире, тетя получила, на имя мамы, эту телеграмму, испугалась, и, распечатав ее, села в трамвай и приехала к нам на Большой Фонтан. Собрав наши пожитки, мы спешно оставили дачу, и к часу дня были уже в Одессе, в доме тети. Дядя пошел на вокзал, покупать билеты. Все были взволнованы, бабушка плакала.

– Мама, чего ты плачешь? – уговаривала ее моя мать, – ведь я уезжаю только на год.

Но бедная бабушка была безутешна:

– Знаю я, что значит – на год. Шутка ли: в Италию! В такую даль. Ведь я так стара, и тебя, наверное, больше никогда не увижу.

Бедняжка! Она не ошиблась!

³ Ревекка (сокр. Рикка, иначе Рива) Давидовна Вейцман, в замужестве Чудновская. – *Здесь и далее прим. М. Г. Талалая, за исключением особо отмеченных.*

⁴ Давид Моисеевич Вейцман и Софья Филипповна, в девичестве Гольдберг, уроженцы Таганрога. Автор получил свое имя в честь ее отца, Филиппа Моисеевича Гольдберга.

Дядя достал билеты в мягкий вагон поезда, отходящего в Москву в 16 часов. Мы наскоро пообедали, взяли извозчика, и отправились на вокзал. На прощание бабушка, обливаясь слезами, дала нам на дорогу баночку, ею самой сваренного, розового варенья, а дедушка, стоя у окна, долго махал нам вслед рукой. Снова сорок часов езды, и утром, 21 августа, на Брянском вокзале, нас встретил отец. Всё было готово к отъезду, паспорт взят, и 29 августа нам предстояло отправиться в далекий путь. Папа рассказал, как он старался протянуть время, пока ему не заявили, что если он не возьмет теперь своего паспорта, то месяца через два его всё же пошлют за границу, но не в Геную, а в Варшаву. Папа взял паспорт.

Последняя неделя прошла быстро, и как бы в полусне. Мы с отцом пошли в московскую сберегательную кассу, и он положил на свое имя порядочную сумму, обусловив, что в случае его смерти я, его единственный сын, являюсь наследником этих денег.

В Москве стояли ясные, теплые и тихие дни конца лета. Утром, в канун отъезда, я отправился в Александровский сад, и там провел с час, любуясь Кремлем.

Наступило 29 августа. Наш поезд отходил с Варшавского вокзала ровно в 17 часов. Мы завершили последние сборы. Я взял с собой несколько учебников, чтобы иметь возможность, во время моего пребывания в Италии, повторять пройденные предметы. По русскому обычаю, прежде чем переступить порог, мы все присели на минуту. Носильщик, нанятый на вокзале, помог нам перенести чемоданы через площадь, и поставить их на перрон, в ожидании подачи поезда.

Нас провожала небольшая группа родственников и знакомых. Среди них были: дядя Миша⁵ с тетей Аней и моим двоюродным братом, Женей; Маршак, двоюродная сестра моей матери, с мужем⁶; Джанумов⁷ с дочерью... Елизавета Георгиевна плакала – ей очень хотелось уехать из СССР. Пришли Либманы, но без Соли⁸. Он был на каком-то заседании, и опоздал. Подали поезд и мы сели в международный вагон. В это время, весь запыхавшись, прибежал Соля. Я вышел ему навстречу и мы обнялись, после чего я поспешил вернуться в вагон и стал у окна. Поезд тронулся. «Смотри, не сделайся в Италии фашистом!» – закричал мне Соля. Провожавшие нас засмеялись. Перрон, с людьми на нем, пополз назад. Замелькали железнодорожные строения, загрохотали вагоны на стрелках... Прощай, Москва!

Наш вагон был спальным, международным. Пассажиров в нем ехало мало, и нам досталось четырехместное купе. В соседнем купе находились два папиных сослуживца по Экспорт-хлебу. Они были назначены в Варшавское Торгпредство. В другом купе ехала в Париж семья, состоящая из мужа, жены и дочери, девочки моих лет. Несколько дальше, ехали два японских дипломата, транзитом через СССР. Они направлялись в одну из западноевропейских стран. Вероятно, и в других вагонах имелось много свободных мест. В те времена еще не существовало Интуриста, и сообщение между СССР и другими странами было слабое.

Я уселся поудобней у окна и стал смотреть на мелькающие телеграфные столбы, и уходящие назад предместья Москвы. Скоро начались бесконечные леса. Стало смеркаться; зажглись огни. Прозвонил колокольчик, приглашая пассажиров в вагон-ресторан, ужинать. Отец повел нас туда. Мы выбрали уютный столик у огромного зеркального окна. Ужин оказался превосходным. Пока мы ели, поезд остановился на большой станции. Это была Вязьма.

⁵ Михаил Давидович Вейцман, уроженец Таганрога. Выпускник юридического факультета Харьковского университета, вернувшись в Таганрог, принял православие и сделал карьеру присяжного поверенного. Был женат на Анне, в девичестве Минкевич, и имел двух сыновей – Юрия, умершего в детстве, и Евгения.

⁶ Кузина матери Анна (девичья фамилия не известна) вышла замуж, как сообщает автор, за брата жены одного из советских вождей А. И. Рыкова – Нины Семеновны Маршак (оба казнены в 1938 г.). Добавим, что у мужа кузины имелся еще один брат – Филипп Моисеевич Маршак (и он казнен в 1938 г.), сын которого Михаил прославился как драматург, под псевдонимом Шатров.

⁷ Московский сосед Вейцманов, армянин-нэпман Георгий Авгарович Джанумов и его дочь Елизавета.

⁸ Абрам Давидович Либман был близок к Вейцманам еще в Геничевске, до переезда их семейств в Москву. Его жена – «варшавская еврейка» Мария Григорьевна; сын Соломон (Соля) – друг детства автора книги.

Двое железнодорожных рабочих трудились над чем-то у самого нашего окна. Мне стало немного стыдно: ведь, как-никак, социалистическое государство, и вот, поди ты! Мы сидим в вагон-ресторане и ужинаем. Всё здесь шикарно: ярко светит электричество, на столе маленькие вазочки с цветами, нам прислуживает внимательный кельнер, а за окном рабочие трудятся, и, вероятно, никогда им не сидеть за этим столиком. Но поезд вновь тронулся, и Вязьма исчезла позади, а с ней и все мои угрызения совести. Кончился ужин; мы вернулись в наше купе, и вскоре улеглись спать. Я устроился на верхней полке. Вагоны катились по рельсам и мерно постукивали. За окном, в темноте, проносились силуэты стройных сосен. Я уснул.

Проснулся я довольно рано, и моей первой мыслью было: мы едем за границу. Но вот, во мраке, замелькали редкие огоньки еще спящего города. Я поспешно соскочил с моей полки и прильнул к окну. Заскрипели буфера. Ярко освещенный перрон. Минск. Засуетились около поезда железнодорожники. К нашему вагону подошли двое в военных формах и беретах – чины пограничного ГПУ. Постояв минуты две, они поднялись к нам в вагон, и пошли по коридору, открывая все двери, зорко и подозрительно вглядываясь в полусумрак каждого купе. Поезд тронулся, и вскоре послышались их голоса: «Граждане, паспорта! Паспорта! Граждане, пожалуйста ваши паспорта!»

Весь вагон проснулся, зажгли свет. Вновь прошли чины ГПУ по вагонам, теперь они отбирали у всех паспорта, и еще зорче вглядывались в лица, сверяя их с фотографиями. Тем временем начало светать. Клубы пара и дыма летели за окнами, цепляясь за ветви деревьев. Умывшись, мы сели завтракать, взятыми мамой в дорогу, несколькими бутербродами. Бежал поезд, летело время! Вновь и вновь прошли по вагонам агенты ГПУ, всё время сохраняя на своих лицах всё то же выражение крайней подозрительности. Было немного жутко.

Справа, за окном, появилось большое, неуютное, деревянное здание, серо-грязного цвета: станция Негорелое⁹ – советская пограничная таможня. Мы все вышли, таща с собой наш багаж. Утренний, свежий, приятный воздух. Пахнет сосной и немного паровозным дымом. В таможенном здании душно; тускло светят электрические лампочки. Наш багаж осматривает какая-то женщина. Она любезна, но с упорством педанта роется во внутренностях наших чемоданов. Нашла мои учебники: «Учебные пособия вывозить из СССР запрещено, но, впрочем, вы, вероятно, скоро вернетесь. Можете их везти с собой». У нашего соседа по вагону нашли советский, юмористический журнал «Крокодил». Таможенный чиновник предупредил: «Поляки его не пропустят». На этом свете всё имеет свой конец, даже советский таможенный досмотр, и вот мы вновь погрузились, со всеми нашими чемоданами в вагон.

Снова пришли чины пограничного ГПУ. На этот раз они возвращали пассажирам их паспорта. Это происходило так: один из них держал в руках пачку паспортов, и показывал их пассажиру, один за другим, спрашивал: «Это ваш? Это ваш?..», а другой, в это время, внимательно глядел на вопрошаемого. Нужный паспорт всегда оказывался последним в пачке. Это был трюк, значение которого мне неизвестно. Наконец, мой отец, подвергнутый, как и все прочие, этой странной процедуре, получил свой паспорт, и чины ГПУ прошли далее. Застучали по рельсам вагоны, и серо-грязная станция Негорелое уплыла назад, став прошлым.

Ехавший в Варшаву папин сослуживец по Экспортхлебу, уже не в первый раз совершавший это путешествие, посоветовал нам, если мы желаем увидеть границу, глядеть в левое окошко. Я буквально прильнул к стеклу. Рядом со мной стояли мои родители, а у соседнего окна поместились муж, жена и дочь. Всем хотелось узреть этот последний пограничный пункт. Чтобы понять наше настроение надо помнить, что в то время весь мир делился на две неравные

⁹ Негорелое – в настоящее время поселок Дзержинского района Минской области республики Беларусь, в 48 км от Минска, с одноименной железнодорожной станцией. Советская пограничная станция с заставой и таможней тут находилась с 1921 по 1939 г.

части, насмерть враждовавшие между собой: одна шестая земной суши – СССР, и остальные пять шестых.

Мы приближались к демаркационной линии, их разделяющей. Агенты ГПУ открыли двери нашего вагона и стали на его подножку. Показались деревянные, вероятно, наблюдательные, вышки. Поезд шел всё медленней и медленней и наконец остановился перед небольшим белым зданием, с маленькой четырехгранной колонкой на крыше. На верхушке этой колонки виднелись скрещенные серп и молот. Впереди, на дороге, стояло нечто вроде арки. Я позже узнал, что это были ворота над железнодорожным путем. На одной из ее сторон было написано: «Коммунизм сотрет границы». А на другой стороне: «Привет рабочим запада».

Чины ГПУ соскочили с подножки вагона, и в тот момент, когда поезд вновь тронулся, отдали ему по-военному честь, приложив три пальца к своим беретам. Поезд прошел под аркой. Рядом с ней стоял последний красноармеец-часовой. В руке он держал винтовку с привинченным к ней штыком. Теперь мы двигались со скоростью человеческого шага. За окном был пустырь. Виднелись наблюдательные вышки и колючая проволока. Это была нейтральная зона. Девочка, стоявшая у окна, воскликнула: «Кончено!» Родители ее немного смутились. Ползли минуты...

И вот за окном снова появилось такое же белое здание, с четырехгранной вышкой, но на ней виднелся, растопырив крылья, белый польский орел. Действительно: кончено.

«Господа, паспорта, паспорта! Господа, пожалуйста, предъявите ваши паспорта!» Как непривычно звучало слово: «господа». Два польских жандарма вошли в вагон, отбирая у всех пассажиров их документы. Говорили они по-русски, без всякого акцента, и я от них не слышал ни одного польского слова. Снова остановка – последняя: советский поезд дальше не шел. Станция Столбцы¹⁰. Надпись на фронтоне польская – латинскими буквами. Небольшой чистенький, даже изящный домик, с цветочными клумбами перед ним. Железная дорога проходила с двух его сторон: ширококолейная – советская, и узкоколейная – западноевропейская. Мы вновь взяли наш багаж и с помощью носильщика перенесли его на станцию. Польский таможенный осмотр оказался под стать советскому. У пассажира, везшего юмористический советский журнал «Крокодил», он был, несмотря на все просьбы и протесты, отобран. По окончании довольно длинных таможенных формальностей, мы вышли через другие двери вокзала, и сели в вагон первого класса польского поезда, идущего в Варшаву. Пришли польские жандармы, и без всяких трюков вернули всем пассажирам проверенные и проштемпелеванные паспорта¹¹.

Поезд тронулся. Было утро, 30 августа 1927 года.

Прощай, Родина!

¹⁰ Столбцы – в настоящее время город Минской области республики Беларусь, административный центр Столбцовского района. С 1793 г. в составе Российской империи, в 1921–1939 гг. в составе Польши.

¹¹ Подробное описание пограничной зоны «Негорелое / Столбцы» оставил итальянский журналист Гвидо Пуччо, ехавший год спустя, в 1928 г., в противоположном направлении: «Эта граница похожа на открытую болезненную рану. С обеих ее краев смотрят с крайней подозрительностью. <...> По обе стороны водруженного страшного барьера расположились воюющие полчища идеологий. Бездонная пропасть, вырытая самой природой, не могла бы разделить так глубоко. Продвигаясь с Запада на Восток, в этой точке мы наблюдаем конец нашей Европы и начало Европы „другой“. Польша становится нацией-символом, так как она представляет тут цивилизованную жизнь. Ее солдаты вооружены во имя принципа западно-европейской общности перед лицом принципа социального совращения, сложившегося из самых варварских пережитков Востока» (*Puccio G. Al centro della macchina sovietica. Foligno, 1930; перевод М. Г. Талалая*).

В пути

В шестиместном купе, польского вагона первого класса, поместилось пять человек: нас трое и два папиных сослуживца по Экспортхлебу. Один из них, хорошо знавший Варшаву, посоветовал нам остановиться дня на два в этом городе, обещая свести в театр и показать главные достопримечательности польской столицы. Мой отец колебался: с одной стороны ему хотелось воспользоваться случаем, но с другой стороны он ехал на службу, и не в его обычае было терять время, когда он знал, что там, в далекой Генуе, его ждет серьезная работа. Но пока впереди имелся целый день пути и торопиться с решением этого вопроса было нечего.

На первой небольшой станции мы услышали крики, по-русски, польских газетчиков: «Русские газеты! Русские газеты!» Сразу бросилась в глаза старая орфография. Это были ежедневные органы белой эмиграции, выходящие в Варшаве.

В Слониме¹² к нам в купе села молодая, красивая польская девушка, лет двадцати. Мой отец попытался заговорить с нею по-русски, но в ответ она только улыбалась и повторяла: «Не разумию цо пан мове». Однако она довольно неплохо изъяснялась по-французски, и на этом языке папе удалось от нее узнать, что ее зовут Зося, что она чистокровная варшавянка и, что прогостив некоторое время в Слониме, у своей тетки, она теперь возвращается домой.

Сослуживцы моего отца оказались шахматными мастерами. Один из них, изрядно соскучившись в дороге, предложил другому сыграть с ним партию. Шахмат у них не имелось, и тут я впервые в жизни увидел, как два настоящих шахматиста играли без доски. Каждый из них, по очереди, указывал словесно, без всяких записей, буквой и цифрой, сделанный им мысленно ход, и все ходы, и все варианты игры оба держали в своей памяти и никогда не ошибались. Удивительно!

Вопрос о том, остановиться ли нам на два дня в Варшаве, всё еще не был решен, но подъезжая к ней, мой отец, всегда любивший ездить с максимальными удобствами, и даже с известным шиком, попросил, по-французски, юную польку, указать ему адреса лучших варшавских отелей. Паненка ехидно усмехнулась: «Как же так? Пан из социалистической страны едет, а в лучших отелях останавливаться хочет!» Однако адреса дала, но папа ими не воспользовался, и в последнюю минуту решил продолжать свой путь без промедлений. Солнце уже садилось, когда поезд прибыл в Варшаву. Девушка опустила окно и стала звать носильщика: «Пст! пст!» Меня это очень удивило и покорило: в СССР, когда зовут носильщика, то ему кричат: «Товарищ носильщик!», а не как собаке: «пст! пст!» Во мне тогда было еще много наивного идеализма.

На варшавском вокзале мы попрощались с нашими спутниками. Курьерский поезд «Варшава-Вена» отходил ровно в 22 часа.

Снова ночь в международном спальном вагоне. На этот раз, чтобы не беспокоить спящих пассажиров при переезде границ, паспорта были у всех отобраны в самый момент отхода поезда из Варшавы. Утром мы уже пересекали Чехословакию, и вскоре в вагоне зазвучала немецкая речь. В полдень поезд прибыл в Вену. Вспоминая теперь наше путешествие, я удивляюсь плохой организации существовавшего в ту пору западноевропейского железнодорожного движения. В Вене мы узнали, что вагона прямого сообщения, идущего в Геную, просто не существует. Отец, со своим служебным паспортом в руке, пошел объясняться к начальнику станции, который проявил себя очень предупредительным человеком и забронировал для нас в поезде, отходящем около полуночи в Венецию, отдельное купе первого класса, на три места. В Вене мы провели полдня в прогулках по городу.

¹² С 1939 г. Слоним – в составе Белоруссии (в оригинале неточность: *Слонюм*).

Обедали в хорошем ресторане и ели знаменитый венский «шницель». На десерт отец меня угостил бананом – фруктом, о котором доселе мне приходилось только изредка читать. В общем, я убедился на собственном гастрономическом опыте, что далекие путешествия полезны юношам и сильно расширяют круг их познаний. К вечеру мы все изрядно устали, а я еще немного простудился, и у меня слегка разболелось горло. Наконец настал час отъезда. Мы уселись в приготовленное нам трехместное купе, и устроились в нем, как могли лучше. Всё же спать нам пришлось сидя.

Проснувшись утром и взглянув в окно, я сразу примирился и с усталостью, и с простудой: за окном высились горы, низвергались водопады, зеленели хвойные леса, а по склонам гор лепились маленькие селения с островерхими церквями и расстилались зеленые луга. Нырять из туннеля в туннель, поезд пересекал Тирольские Альпы. Заметив мой восторг, мама мне напомнила, что в этом году мне сильно повезло: вместо подготовки к началу занятий, я теперь сижу в поезде и люблюсь таким необычайным видом.

Еще одна граница: финансовая гвардия в зеленых шапочках с маленьким воткнутым в них пером, карабинеры в наполеоновских треуголках и звучная, певучая итальянская речь, заменившая немецкий отрывистый, несколько гортанный говор. На одной из станций в наш вагон вошла группа фашистов в черных рубашках. Вот они – враги коммунизма и трудящихся! Я ожидал увидеть каких-то разбойников, угрожающе глядящих на всех пассажиров. К моему удивлению это были, в своем большинстве, молодые, приятно улыбающиеся итальянцы, с лицами приветливыми и симпатичными.

В десять часов утра мы приехали в Венецию. На станции нам сказали (отец объяснялся с итальянцами по-французски), что поезд прямого сообщения отходит в Геную только на следующий день в 8 часов утра, но в 13 часов имеется другой поезд, идущий в Милан. Мы решили сесть в него и перетерпеть еще одну пересадку. Чтобы убить время, отец нанял гондолу, и мы немного покатались в ней по Большому Каналу. Царица Адриатики, при моем с ней первом знакомстве, мне не понравилась. Я слишком устал в дороге и не был способен воспринять всё великолепие этого, увы, медленно умирающего, но единственного в своем великолепии, города. Зато я сразу был поражен грязью каналов и дохлыми кошками, плывущими в них по течению. Снова посадка в вагон, и только вечером мы прибыли в Милан. Поезд в Геную отходил ровно в полночь. Поужинав в станционном ресторане, мы, очень уставшими, сели в неспальный вагон первого класса, и приготовились, сидя, провести в пути нашу четвертую ночь.

К счастью еще, что мест свободных было много, и мне удалось лечь и растянуться во всю длину; это было воспрещено, но когда контролер, войдя в наш вагон, понял, какой путь мы совершили и как устали, то ограничился тем, что попросил подложить под ноги газеты. Милые итальянцы с их добрым сердцем!

Поезд еще стоял на миланской станции, когда я глубоко уснул. Была темная ночь; сквозь сон я услышал голос моего отца: «Проснись, Филя, приехали!»

Я, с большим трудом, открыл глаза. За окном во мраке виднелись очертания гор и мелькали огни Генуи. На станции отец нанял такси и велел возить нас в хорошую гостиницу в центре города. Через десять минут мы оказались в отеле «Бристоль» и, сняв в нем номер, тотчас улеглись спать. Проснувшись около полудня и приведя себя в порядок, мы сошли в ресторан обедать; всё было чрезвычайно дорого. Пообедав, отец отправился на место своей службы, в Торгпредство, находившееся очень близко от нашего отеля, а мы с мамой пошли гулять по улице Двадцатого Сентября¹³, главной артерии города.

¹³ Распространенный топоним в объединенной Италии: 20 сентября 1870 г. войска короля Виктора-Эммануила II взяли штурмом папский Рим. До 1930 г. «день взятия Рима» отмечался как государственный праздник.

Вернувшись в отель, мы там застали папу в компании одного из его новых сослуживцев, Юлиана Донатьевича Ландберга, который нам посоветовал сегодня же переехать в Нерви, небольшое предместье Генуи, в котором проживало тогда большинство служащих Торгпредства. Вечером того же дня, т. е. 2 сентября 1927 года, мы отправились туда и поместились на несколько дней в «Международном» отеле, находящемся на его центральной площади. Для меня началась новая жизнь.

Нерви

Отель, в котором мы остановились, выходил одной своей стороной на «Пальмовую аллею» (Viale delle Palme). Маленькая терраса, принадлежащая отелю, была отгорожена от Пальмовой аллеи железной решеткой.

В первое утро, немного отдохнув от столь длинного и утомительного путешествия, мы вышли на эту террасу пить кофе. Я был, по русскому обычаю, очень коротко подстрижен и носил толстовку, а мой большой еврейский нос резко выделялся на довольно худом лице. Через несколько минут, около решетки отеля, собралась группа мальчиков-итальянцев, с удивлением глядевших на меня. Это было немного неприятно, тем более, что они меня, немедленно окрестили, в честь их любимого национального героя-петрушки: Пиноккио, прозвище, оставшееся за мной, несмотря на то, что впоследствии я отрастил свои волосы и надел европейский костюм. К счастью, итальянские мальчики, как и все вообще итальянцы, шутники, но не насмешники, и не в их обычае издеваться над кем бы то ни было, а в особенности над иностранцем. Поэтому мое такое прозвище меня не очень беспокоило.

Теперь я хочу, с риском быть принятым за агента итальянской туристской конторы, описать очаровательное местечко, в котором я провел первые полтора года моей жизни в стране, впоследствии принявшей меня в число своих граждан.

Нерви – восточное предместье Генуи, расположено между небольшими, пестреющими домиками, горами и синим Средиземным морем, является туристским центром, через который пролегают железная и две шоссейные дороги. На его центральной площади раньше находилась последняя остановка трамваев, а теперь – автобусов, связывающих Нерви с Генуей. От этой площади к вокзалу ведет широкая «Пальмовая аллея», род бульвара, обсаженного с двух сторон пальмами. Около вокзала проложен спуск, проходящий под линией железной дороги, и ведущий к «Прогулке у Моря» (Passeggiata al Mare). «Прогулка» представляет собой нечто вроде длиннейшего балкона с перилами, опирающегося на скалы, и возвышающегося над морем. Этот «балкон», в четыре метра шириною и в два километра длиною, служит излюбленным местом гуляний всего нервийского населения, а по праздничным дням к нервийцам присоединяются многие жители самой Генуи.

Скалы, на которые опирается эта «Прогулка», очень занимательны и живописны, они – не что иное, как потоки застывшей лавы, извергнутой окружающими Нерви вулканами, погасшими еще до появления на земле первого человека. Кроме «Прогулки у Моря», в Нерви разбит довольно большой и очень красивый городской парк, прилегающий к железной дороге, но так как она полностью электрифицирована, то ее близость парку не мешает. В нем до сих пор сохранилась скамейка, стоящая у самой железной дороги, на которой, полвека тому назад, в праздничные дни по утрам, мы с отцом любили, сидя, ожидать прохода курьерского поезда: Рим-Париж. Он состоял из пяти спальных вагонов и вагона-ресторана и вихрем проносился мимо нас.

На небольшой площади, перед главным входом в парк, стоит очень старая аптека. В описываемое мною время, т. е. всё те же пятьдесят лет тому назад, на ее витрине красовалась надпись по-русски: «Здесь продаются русские лекарства». Теперь аптека еще существует, но странная надпись давно исчезла. С этой площади берет начало широкое шоссе, ведущее в гору к местечку, именуемому Сантилиарио¹⁴.

За парком, поближе к последнему генуэзскому предместью – Длинному мысу (Capo Lungo¹⁵), возвышается вилла, имеющая форму пагоды¹⁶. Рассказывают, что в начале этого века,

¹⁴ Ит. Sant'Ilario (в оригинале неточность: Сантилиарио).

¹⁵ В действительности, топоним пишется слитно: Capolungo. В 1926 г. предместье Каполунго, как и Нерви, было включено

какой-то генуэзец-миллионер, выстроил ее для своей дальневосточной любовницы. В двадцати километрах от Нерви выступает далеко в море мыс Портофино. После Второй мировой войны он сделался шикарным центром международного туризма, и в его маленькой бухте жмутся друг к другу яхты архимиллионеров, а по зеленым склонам мыса лепятся их комфортабельные виллы.

На западе едва виднеется генуэзский порт, а еще дальше – горы Западной Ривьеры (Riviera Ponente).

В очень редкие ясные дни, когда ветер уносит пары, обыкновенно висящие над морем, на юг от мыса Портофино высовывается из-за горизонта остроконечная вершина горы: это – Корсика.

«Прогулка у Моря» берет свое начало у маленького залива, в который впадает небольшой ручей, текущий с соседних гор. Вокруг залива ютится рыбацкий поселок: старое Нерви. Над ручьем переброшен горбатый каменный мостик, построенный еще римлянами. Он помнит тяжелый шаг легионеров, идущих завоевывать Галлию.

Я люблю Нерви, как я люблю Геную, как я люблю всю Италию вообще, и, честное слово, эта невольная туристская реклама, с моей стороны, совершенно бескорыстна.

в состав т. н. Большой Генуи.

¹⁶ В настоящее время тут устроен отель, который так и называется Villa Pagoda.

«Первый Дом Советов»

В двух минутах ходьбы от последней трамвайной остановки, стоит на улице Марко Сала, построенный еще в девятнадцатом веке, четырехэтажный дом, с довольно большим садом перед ним. Теперь в нем находится дорогой отель, но в 1927 году он принадлежал одной туринской семье. В его нижнем этаже жила пожилая женщина, доверенное лицо хозяев, управительница дома. Три верхних этажа сдавались внаем. Последнее время все они были заняты советскими служащими с их семьями. Когда кто из них оставлял квартиру, ее немедленно снимал другой работник Торгпредства, и так продолжалось в течение нескольких лет. Даже те из них, которые не находили себе в нем свободной квартиры, искали помещение где-нибудь вблизи от него. Советская генуэзская колония прозвала в шутку этот дом: «Первый Дом Советов». К нашему прибытию в Нерви, в нем как раз освободился верхний этаж, и мой отец его снял. Квартира на четвертом этаже была большая и состояла из пяти комнат, три из них были обременены окнами в сад, и из них было видно море, а две другие – в сторону гор. Кроме того имелся довольно длинный коридор, кухня и все удобства.

За полтора года моей жизни в Нерви, в «Первом Доме Советов», я имел возможность вблизи рассмотреть немалое количество высокопоставленных советских чиновников, можно сказать, сановников нового режима, представлявших собою, некоторым образом, сливки общества СССР в Италии. Постараюсь описать некоторых из них. Многие имена, но далеко не все, я изменил.

Либерман, Абрам Иосифович¹⁷

Директор хлебного отдела Торгпредства, и папин прямой начальник. Коммунист лет тридцати пяти. Простой, полуграмотный еврей, сделавший карьеру во время Революции и Гражданской войны. Для пущей важности носит очки, но стекла в них простые, так как он обладает прекрасным зрением и ни в каких очках не нуждается. Холост, но временно сожительствует со своей домашней работницей, невестой итальянского коммуниста (сосланного фашистами на острова), красивой и нестрогой Джиной.

Никаноров, Петр Васильевич

Директор какого-то отдела Торгпредства. Коммунист с 1917 года. Курносый, сорокалетний мужчина. Любит хорошенько выпить и сочно выругаться. Про таких у нас говорили: «Рубаха-парень; ум – портянка». Женат на молоденькой дворяночке, Нине Васильевне. Потеряв всё, бедная женщина, вероятно, нашла себе, в этом замужестве, защиту от революционных и всяческих бурь. У них – трехлетний сынок, Митя. Когда, однажды, этот Митя, как и все дети, выкинул какую-то забавную штуку, Никаноров, в искреннем восторге, воскликнул: «Поглядите на Митю! Ну, разве ж не сволочь? Сволочь и есть! Ах ты сукин сын, Митька!» Добавлю еще, что, чтобы иметь себе постоянную компанию, научил свою молодую жену пить.

¹⁷ Абрам Иосифович Либерман родился в 1898 г. в г. Троицк на Урале. В 1942 г. был арестован и приговорен к высшей мере наказания по статье 58–10 УК РСФСР (пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти); высшая мера затем была заменена на 10 лет лишения свободы. Умер в 1981 г. в Самаре (тогда Куйбышев).

Вуколов, Иван Семенович

Директор мясного отдела Торгпредства. Коммунист с 1918 года. Молодой, белокурый, красивый и разбитной парень лет тридцати. По происхождению – купеческий сынок. Отец его был крупным мясником. Карьеру сделал, примкнув к партии большевиков. Участвовал, хотя немного, в Гражданской войне. Любит поговорить, и охотно рассказывает о себе. Приведу два примера из его автобиографических повествований:

«Когда я жил, еще до революции, при отце, то часто помогал ему в его работе. Вот придешь, бывало, на бойню, а там как раз быка режут. Здоровый такой бык; мычит – умирать не хочет. Вот я и беру большой стакан, а рядом ставлю бутылку водки. Как только быку горло перережут, кровь и начнет хлестать, а я стакан подставляю, наполню его кровью, она еще горячая – дымится, и залпом выпиваю ее, а потом наливаю в этот стакан водку, и запиваю ею бычачью кровь. Это приятно и здорово!»

Второй рассказ о себе, который он любил повторять, относится к области его «революционной» деятельности:

«Было это, товарищи, весной 1918 года. Служил я тогда в красногвардейцах и наш отряд стоял в Москве. Узнало как-то правительство, что на одной из дач в двадцати верстах от столицы, по Курской дороге, собирается по ночам боевая группа правых эсеров. Ну, хорошо! Дали приказ, как только начнет смеркаться, выступать, чтобы их всех и захватить, так сказать, на месте преступления. Поход наш держали, конечно, втайне; даже мы сами узнали о его цели после того, как выступили. Привезли нас на грузовиках за версту от этой самой дачи. Дальше мы пошли пешком, чтобы не всполошить голубчиков раньше времени. Ну, думаем мы, накроем этих сволочей, будут знать, так их и растак, как „контры“ замышлять. Ладно! Шли мы вначале по дороге, а под конец свернули с нее. А ночь черная – ни хрена не видно; да это нам на руку! Оттепель – сапоги грязь месят. Вот подкрались мы к этой самой даче: всё тихо, собак нет. Ладно! Окружили дачу. Видим: перед нами забор в человеческий рост – дело плевое. Начальник командует: „Ребята, лезай!“ Я вскарабкался первым, а за мною мой товарищ. Прыгаю вниз, и... трах!!! Что-то ломается подо мною, и я проваливаюсь в выгребную яму, по самую грудь в говно. Оказалось, что у самого забора стоял старый, деревянный нужник. Не успел я крикнуть товарищу, как он уже прыгнул рядом, и тоже провалился по грудь, а меня окатило с головою. Еле выбрались. А уж вонь-то какая! Пришли на дачу – никого. Или узнали они про нас, и скрылись, или донос был ложный, только всё – даром».

Вот таким образом товарищ Вуколов и сделался одним из директоров торгового представительства СССР в Италии.

Он был женат на стареющей кокотке высокого полета.

Клавдия Сергеевна, настоящая дама полусвета «*belle époque*¹⁸», за свою довольно длинную карьеру, была любовницей людей, принадлежавших к самому высшему обществу, и чуть ли в их числе не был один великий князь. Холодная по темпераменту, но хитрая и расчетливая, она сумела сохранить, несмотря на революцию, немалое количество золотых браслетов и

¹⁸ «Прекрасная эпоха» (*фр.*) – распространенный в Европе эпитет для рубежа XIX–XX вв., перед Первой мировой войной.

брильянтовых колец, и вывезти часть этих богатств за границу. Держала себя Клавдия Сергеевна умело, и чувствовалось, что она не без образования и пообтерлась в хорошем обществе. Однажды она сказала моей матери: «Знаете, Анна Павловна, я в моей жизни встречала мужчин – не чета моему теперешнему мужу. Я хорошо пожила, и любовные стороны жизни меня больше не интересуют, но я искренне люблю моего Ваню, как мать любит своего сына. До меня он был совершенно необтесанным парнем, а я его жить научила, да и мне приятно знать, что на старости лет у меня будет собственный угол. Если он мне иногда и изменяет с молодыми женщинами, то это вполне понятно, и я его не ревную. А бросить – он меня не бросит».

Впоследствии она его уговорила порвать с Советским Союзом, и остаться за границей. Они поселились в Германии. Позднее, уже при Гитлере, до нас дошел слух, что он ее всё ж таки бросил.

Летяшкин, Василий Васильевич

Коммунист. Директор одного из отделов Торгпредства. Болезненный человек лет пятидесяти. Получил кое-какое образование и даже прошел несколько классов царской гимназии. Его товарищи отзываются о нем с пренебрежением: «Гимназист». Однако он был старым партийцем, и, кажется, сотрудничал в ГПУ. Несколько лет тому назад женился на дворянке, значительно моложе его. Марья Ивановна принадлежала к высшему дворянскому, петербургскому кругу. До революции получала образование в закрытом пансионе для «благородных девиц», чуть ли не в Смольном.

Никто из нас не знал ее девичьей фамилии. Переворот застал Марью Ивановну в старшем классе института. В самом начале революции, потеряв своих родителей, она осталась одна, и прошла через всю бурю этих страшных лет. Никому никогда не рассказывала она о пережитом ею в те годы: ни что она делала, ни что с нею делали. Наконец встретила Летяшкина, и вышла за него замуж. Была она женщиной умной, красивой, хорошо воспитанной и тонкой, но очень развратной.

У кого подымется рука бросить в нее камень?!

Женщина, о которой я теперь хочу рассказать – личность историческая, и я нарочно не желаю менять ее имени.

Суханова, Галина Константиновна¹⁹

Жила она в «Первом Доме Советов», но какой точно пост занимала в Торгпредстве, я сказать не могу. Член коммунистической партии еще задолго до 1917 года, она была замужем за известным журналистом, Сухановым²⁰. Накануне Октябрьского переворота, на ее петроградской квартире, в отсутствие мужа, бывшего в то время в отъезде, состоялось, под председательством Ленина, тайное заседание, на котором были установлены последние подробности восстания против Временного правительства Керенского. Фанатически преданная коммунистической идее, она, насколько мне известно, во время знаменитой чистки, была обвинена в троцкизме, и вместе со своим мужем расстреляна Сталиным.

¹⁹ Галина Константиновна Суханова (наст. имя Лия Абрамовна Флаксерман; 1888–1958) – участница коммунистического движения с 1902 г. В 1917 г. на ее квартире в Петрограде собиралась Комиссия по выработке решений нелегального VI съезда партии, принявшего курс на вооруженное восстание, а затем было проведено определившее дату восстания совещание ЦК, на котором присутствовал Ленин. После революции – в аппарате Центрального Комитета партии, в Народном комиссариате труда, в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, в различных издательствах. Долгие годы дружила с М. Ф. Андреевой, «гражданской женой» Горького в 1904–1921 гг.

²⁰ Николай Николаевич Суханов (наст. фамилия Гиммер; 1882–1940) – участник революционного движения, экономист, аграрник, автор мемуаров, публицист. В 1940 г. осужден по ложному обвинению и расстрелян в Омске.

Довольно высокая и несколько сухощавая, некрасивая сорокалетняя брюнетка, эта умная и образованная, страдавшая частыми приступами астмы, женщина, ни одному мужчине не отказывала в своей «любви». Странное дело! Галина Константиновна совершенно искренне возмущалась, если при ней говорили какую-нибудь вольность или рассказывали скабрёзный анекдот.

Близкая подруга Горького, она переписывалась с ним, и однажды, получив от него письмо из Сорренто, показала его нам. Горький начинал его словами: «Моей черной Галочке».

Корнеев, Петр Герасимович

Человек лет сорока. Простой мужик. Коммунист, сделавший свою карьеру во время Гражданской войны. Директор угольного отдела Торгпредства. Любил говорить: «Я – неграмотный, я не знаю, я не учился во всяких там гимназиях. У меня есть специалист, мой помощник, так это его дело».

Женат на толстой, довольно добродушной, бабе, ему под стать. У них двое еще маленьких детей: сын и дочь. Его жена, когда удивляется или восхищается чем-нибудь, то восклицает: «Держите меня в трох!» Однажды о себе самой она выразилась следующим образом: «Я, может, и корова, да – дойная».

Кроме сановных директоров-коммунистов, в Торгпредстве работали беспартийные специалисты, так называемые – спецы. К ним принадлежал и мой отец. Они официально числились помощниками директоров, но, фактически, управляли всеми конторами генуэзского Торгпредства, ибо «товарищи директора» способны были только подписывать бумаги. Зато и вся ответственность падала на специалистов. Некоторые из них проживали в «Первом Доме Советов». Поговорим и о них.

Крайний, Яков Львович

Еврей лет сорока пяти. Росту он небольшого; под носом – маленькие, черненькие усики; похож на Шарло²¹. Юркий, умный и хитрый господинчик; немного слишком самоуверенный. В прошлом был социал-демократом, а теперь он – беспартийный специалист угольного отделения Торгпредства; помощник Корнеева. Его жена, Ольга Абрамовна, рыженькая еврейка средних лет, скромная и милая женщина. У них дочь Рая, рыженькая, как мать, девушка, моя сверстница.

Яков Львович большой говорун и, как бы это сказать? – сочинитель. Если бы записать все его рассказы о самом себе, то вышел бы довольно увесистый том занимательных повесей. Он немного страдал, как большинство низкорослых мужчин, комплексом «di inferiorità»²². У него постоянно бывал такой вид, будто он собирался спросить: «А где здесь рояль, который я должен вынести?» Однажды, во время нашей с отцом прогулки по улице Двадцатого Сентября, мы встретили Якова Львовича, и он, сопровождая нас до дому, очень красочно и занимательно рассказал нам о том, как, еще при старом режиме, на него напали за городом три вооруженных до зубов разбойника, и как он один обратил всех трех в бегство. Как жаль, что этот человек не был писателем! Кончил Яков Львович трагически, но об этом после.

В доме напротив проживали два Григорьева; оба были беспартийными специалистами. Один из них жил на третьем этаже, а другой на втором.

²¹ Чарли Чаплин известен в Европе по французскому прозвищу «Шарло».

²² [Комплекс] неполноценности (*ит.*).

Григорьев, Семен Петрович

Грузный господин лет шестидесяти. Милейший человек. Несмотря на свою беспартийность, был знаком с Лениным. Фотограф-любитель, он упражнялся в этом искусстве на всех своих знакомых. У меня сохраняются снимки моих родителей, сделанные им на террасе его дома. Женат вторично на двадцатилетней женщине. Прежде чем жениться, обратился к хирургу, последователю знаменитого профессора Воронова²³, и тот омолодил его при помощи обезьяньих желез. Операция удалась, и первые месяцы жизни с молодой женой прошли вполне удовлетворительно. Но вскоре, увы, он одряхлел пуще прежнего. «Он звезды сводит с небосклона, он свистнет – задрожит луна; но против времени закона его наука не сильна»²⁴. Бедный Семен Петрович обратился вновь к врачам, но те ему сказали, что дважды подобную операцию делать нельзя. Дальнейшее осталось сокрыто мраком неизвестности. Вскоре «молодая чета» уехала в СССР.

Григорьев, Алексей Павлович

Человек лет пятидесяти пяти. Женат на женщине двумя годами моложе его. Он много видел на своем веку; остроумен, а порой и желчен. В прошлом году Алексей Павлович, переутомившись на службе, получил легкое нервное расстройство и несколько месяцев провел в специальной лечебнице, в СССР. Однако места в Торгпредстве не потерял и после своего выздоровления вернулся в Геную, на свою прежнюю работу.

Его жена, Мария Петровна, была очень полной дамой. Подружившись с моей матерью, она ей рассказала, что будучи еще молоденькой девушкой, она очень страдала от чрезмерной полноты. Чтобы похудеть, Мария Петровна обратилась к врачу, который дал ей какое-то лекарство, от которого она так быстро похудела, что через несколько месяцев стала худой «как щепка», и у нее начался процесс в левом легком. Пришлось спешно приступить к усиленному питанию. Туберкулез она излечила, но пополнила пуще прежнего; да такой и осталась.

²³ Сергей (Самуил) Абрамович Воронов (1866–1951) – хирург. Широкую известность приобрел его метод прививания ткани яичек обезьян к человеческим яичкам с целью омоложения.

²⁴ Цитата из поэмы «Руслан и Людмила» Пушкина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.